

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 4, Pp. 756–768, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Зиябек Ермуханович Кабульдинов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: [tvt75\[at\]mail.ru](mailto:tvt75@mail.ru)

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-9625-0535. E-mail: [kabulzia\[at\]rambler.ru](mailto:kabulzia@rambler.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е., 2023

Аннотация. *Введение.* История калмыцко-казахских отношений в XVIII в. требует тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых взаимоотношений двух кочевых народов затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимало участие Российское государство. *Цель* статьи — с учетом введения в научный оборот новых архивных сведений проанализировать и дать объективную оценку калмыцко-казахским отношениям в период откочевки калмыков 1771 г., называемой в ряде исследований «Пыльным походом». *Источниковой базой* послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия и Исторического архива Омской области, а также опубликованные материалы сборников документов. *Результаты.* На основе источников построена довольно подробная хронология событий калмыцко-казахских отношений в период «Пыльного похода» 1771 г., что дает возможность дальнейшего исследования этой темы. Отгон калмыками скота у казахов Младшего жуза в начале 1770 г. довольно серьезно осложнил калмыцко-казахские отношения накануне откочевки калмыков. Хан Младшего жуза Нуралы предупреждал российские власти о подготовке откочевки калмыков, но так и не нашел серьезного понимания. Попытки Убаши вступить в переговоры с Нуралы-ханом закончились провалом из-за позиции последнего, считавшего, что необходимо немедленно вернуть калмыков на территорию России. Более успешными оказались сепаратные переговоры Аблая и Убаши, которые привели к прорыву калмыков из казахского окружения в сторону китайской границы. Этот факт внес еще больший раскол в среду правящей казахской элиты, которая так и не смогла по-настоящему объединиться после «Пыльного похода».

Ключевые слова: откочевка калмыков в 1771 г., «Пыльный поход», калмыки, казахи, Цинская империя, калмыцко-казахские отношения, XVIII век

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации государственной субсидии — проекта «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6) и проекта ИРН OR11465469 «Разработка академического издания „История Казахстана с древнейших времен до наших дней“ в семи томах» при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан.

Для цитирования: Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks

Vladimir T. Tepkeev¹, Ziyabek E. Kabuldinov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

² Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E., 2023

Abstract. *Introduction.* The history of eighteenth-century Kalmyk-Kazakh relations needs further detailed insights with the aid of newly discovered (and to be discovered) archival files. The turbulent interethnic contacts were integral to political challenges that were to be faced and solved by the Russian government. *Goals.* The article analyzes some newly discovered (introduced) archival material and attempts a comprehensive account of Kalmyk-Kazakh relations during the Dusty Migration of 1771. *Materials.* The work focuses on available files stored at the National Archive of Kalmykia, Historical Archive of Omsk Oblast, and messages contained in published document collections. *Results.* The study provides a quite detailed chronology of events characterizing Kalmyk-Kazakh relations throughout the mentioned campaign, which shall definitely prove instrumental in conducting further academic insights into the issue. *Conclusions.* The fact Kalmyks had raided livestock of the Junior Jüz Kazakhs in early 1770 did complicate Kalmyk-Kazakh relations on the eve of the Kalmyk Exodus. Khan Nuraly of the Junior Jüz was warning Russian authorities of the Kalmyks' preparatory activities but his messages were never given serious attention to. Ubashi's attempts to negotiate with Khan Nuraly ended in a failure since the latter was upholding a pro-Russian position and insisted that the Kalmyks should be immediately driven back into government-controlled lands. However, separate negotiations between Ablai and Ubashi proved more successful, and resulted in that Kalmyks did break through the Kazakh blockade towards China's borders. The event aggravated the then split within Kazakh political elites, and the latter were never able to well and truly join efforts after the Dusty Migration.

Keywords: Kalmyk Exodus of 1771, Dusty Migration, Kalmyks, Kazakhs, Qing Empire, Kalmyk-Kazakh relations, eighteenth century

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy (Russian Federation), project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'; and co-funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project no. ИРН OR11465469 'History of Kazakhstan from Earliest Times to Present Days, in Seven Volumes: Preparing the Academic Edition'.

For citation: Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 756–768. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

1. Введение

История калмыцко-казахских отношений в XVIII в. требует тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых взаимоотношений двух кочевых народов в XVIII в. затрагивала разные политические проблемы, в решении которых главным образом принимало участие и Российское государство. Особое место занимает в этих отношениях 1771 г., когда основная масса волжских калмыков ушла из Российской империи в Центральную Азию. В историографии это судьбоносное событие в истории калмыцкого народа получило разные названия: «торгутский побег», «массовый исход калмыков» и т. д. В Архиве внешней политики Российской империи, например, существует дело под названием «Восстание торгоутских калмыков и их бегство из России в Джунгарию». В исторической памяти казахского народа это событие получило название «Шанды жорык» («Пыльный поход»).

Усиление контроля Российской империи над административными делами волжских калмыков, чрезмерные требования к предоставлению для внешних войн калмыцких конных отрядов и потеря основных пастбищ из-за расширения сельскохозяйственных колоний были среди критических факторов, способствовавших решению калмыков перебраться в Джунгарию. Принятию рокового решения способствовала также обстановка на родине предков волжских калмыков, где Джунгарское ханство было разгромлено Цинской империей в 1755–1758 гг., а его население в значительной степени уничтожено. На эти пустующие, по мнению калмыцкой знати, земли и было решено переселиться, причем она надеялась встретить милостивое к себе отношение со стороны цинского двора за то, что привела ему новых подданных. Определенную роль сыграла и агитация высшего духовенства Тибета.

В российской дореволюционной историографии первым, кто описал эти события, был капитан Н. П. Рычков, который в составе отряда генерал-майора М. М. фон Трау-

бенберга участвовал в погоне за калмыками весной 1771 г. В своих дневниковых записях он оставил довольно подробные и интересные сведения о калмыках и казахах в этом событии. Однако эти заметки касаются только действий казахов Младшего жуза и не дают всей полноты масштабной исторической картины [Рычков 1772: 54–55]. Н. Я. Бичурин выделял способность калмыков к высокой степени самоорганизации и вооружению, что позволило им в 1771 г. пробиться через земли и превосходящие силы казахов добраться до Джунгарии [Бичурин 1991: 111].

Среди работ, которые в той или иной мере касались темы калмыцко-казахских отношений в 1771 г., можно отметить исследования М. М. Батмаева [Батмаев 1993], В. И. Колесника [Колесник 2003], Е. В. Дорджиевой [Дорджиева 2002] и др. По мнению В. И. Колесника, «несмотря на все разногласия, калмыки и казахи были и ощущали себя людьми одного, чуждого европейской цивилизации, кочевого мира, которые всегда находили общий язык и для которых непреодолимых расстояний просто не существовало» [Колесник 2003: 209]. Но в конкретном случае договориться им не удалось, так как для казахов «слишком был велик соблазн с помощью русских легко и с выгодой для себя рассчитаться с калмыками за все прошлые обиды» [Колесник 2003: 209].

В целом нужно отметить, что тема ухода калмыков из России в Центральную Азию 1771 г. нашла довольно подробное отражение в историографии. Целью же настоящей статьи является анализ калмыцко-казахских отношений накануне и в период откочевки. Несомненно, эта тема требует более детального исследования с привлечением новых документальных свидетельств того времени.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия и Исторического архива Омской области. Отдельные документы о калмыцко-казахских контактах в указан-

ный период были опубликованы в сборнике «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» [Эпистолярное наследие 2014а; Эпистолярное наследие 2014б]. В частности особый интерес представляют письма хана Младшего жуза Нуралы к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, в которых довольно подробно говорится о маршруте движения калмыков, местах вооруженных столкновений и их последствиях. Письма хана Среднего жуза Аблая, к сожалению, менее информативны, поскольку он со своим войском присоединился к преследованию калмыков уже на заключительном этапе. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

3. Калмыцко-казахские отношения накануне откочевки

На протяжении XVII–XVIII вв. казахи и волжские калмыки имели тесные связи, вплоть до заключения брачных династических союзов. Например, хан Младшего жуза Абулхаир вел с калмыцкими владельцами переговоры о возможности допуска казахов со скотом на калмыцкие пастбища. В то же время нередко были случаи взаимных набегов, сопровождавшихся угоном скота и захватом пленных. Об одном из таких набегов волжских калмыков из улуса Бамбара на казахов Младшего жуза писал хан Нуралы, сын Абулхаира, генералу оренбургского края И. А. Рейнсдорпу от 23 января 1770 г.: «З имеющих по Яику реке киргизских улусов калмыки весь скот взяли, а затем те же калмыки и еще приехав с двумя военными значками и перелесши за Яик реку на степную нашу сторону имеющийся в домах наших всякого рода вещи обрала, а хотя было и до домашних наших касались, однак люди наши стрелясь с ними отбились» [Эпистолярное наследие 2014б: 179].

Этот случай усугубил ситуацию, сложившуюся между казахами и калмыками. Возмущенный действиями соседей, хан Нуралы пригрозил российским властям в Оренбурге, что, если ему не окажут помощь войсками или не вернут имущество, он самостоятельно справится с калмыками [Ноловлетов 1884: 43].

Взаимные столкновения на юго-восточной границе казахов и калмыков, российских подданных, не отвечало интересам правительства. Поэтому астраханская и оренбургская администрации делали все возможное, чтобы уладить конфликт. И. А. Рейнсдорп попытался под свои личные и правительственные гарантии успокоить хана Нуралы и заверить в скором возвращении ему отогнанного поголовья скота и лошадей. Однако уже в марте 1770 г. Нуралы перешел к более активным действиям против калмыков, и калмыцким владельцам пришлось с улусами в целях безопасности срочно перебираться на правый берег Волги [Дорджиева 2002: 81–82].

Действия людей Бамбара, зачинщиков конфликта, в калмыцком обществе осуждались, особенно накануне предполагаемой откочевки, которые имели в дальнейшем серьезные последствия.

Со своей стороны Бамбар пытался оправдаться перед властями сложностью разграничения выпаса казахского и калмыцкого скота: «последовавший киргиз-кайсацкого скота отгон зделался ни от чего другого как от того, что калмыки о переходе их на внутреннюю сторону [реки Яика] совсем не ведали и сошлись с ними кочевьями близко, что скот их, которой обыкновенно у обоих сих народов по большей части бывает без пастухов, сошедшись, между собой смешался» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 49].

По мнению Бамбара, эту ситуацию усугубил и недавний отгон скота казахами у калмыцкого владельца Капитана, его племянника: «причем и людей некоторых побили, а других так же увезли к себе, что де услыша, калмыки как ево, так и протчих кочующих тамо владельцев, вдруг со всех мест зделали отгон... кайсацкому скоту» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 49].

Однако были и другие сведения о причинах отгона скота. Четверо неких калмыков из улуса Бамбара, схваченных казахами при набеге, сообщали в яйцкой канцелярии, что отгон скота произошел в рамках подготовки калмыцких владельцев к бегству в Джунгарию, который был запланирован на начало следующего года [Дорджиева 2002: 83].

По данным хана Нуралы, полученным от калмыцких пленников, Бамбар призывал своих улусных людей готовиться к возмож-

ной откочевке: «и для того заблаговременно приказывал, чтоб приготовить им провизию лошадей и всякой скот добычею от киргисцов, дабы получа оную добычу передаться в трухменскую сторону или в турецкую область» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 32].

Однако тревожные сигналы хана Нуралы о подготовке откочевки калмыками, хотя и были приняты во внимание правительством, но остались без поддержки. Ответ российской императрицы Екатерины II от 10 февраля 1770 г. на имя хана Нуралы в отношении калмыков состоял в следующем: «они, будучи под высочайшею протекциею императорского величества, имеют счастье, как киргиз-кайсацкой народ, пользоваться всеми к жизни человеческой нужными выгодами, а притом и непорочною справедливостью» (цит. по: [Дорджиева 2002: 85]).

4. Начало откочевки калмыков. Стояние на Эмбе

5 января 1771 г. началось общее калмыцкое движение в восточном направлении. В авангарде находилось 10-тысячное войско во главе с владельцами Бамбаром и Шеаренгом, которое должно было обеспечить переправу улусов через Яик, предварительно отогнав конские табуны у казаков и уничтожив оборонительную линию. За северный фланг отвечали владельцы Кирип и Аксахал с 5-тысячным войском, за южный — Моомут-Убаши и Эмеген-Убаши, также возглавлявшие 5-тысячное войско. В арьергарде движения находился Убаши и Цебек-Дорджи с 20-тысячным войском [Очерки истории 1967: 216; Батмаев 1993: 360; Новолетов 1884: 46].

С целью оторваться от возможного преследования калмыки шли с необычайно высоким темпом движения, если взять во внимание, что они гнали с собой скот, численность которого достигала до 500 тыс. голов [Колесник 2003: 203–204].

Но долго придерживаться такого высокого темпа движения было невозможно. Не останавливаясь на Яике, калмыки стали двигаться к верховьям реки Эмбы и 18 апреля появились на ее берегах. Расстояние это составило не менее 400 км, и его преодоление заняло 28 дней, т. е. ежедневный переход составлял 14 км [Колесник 2003: 203–204]. Когда калмыки были уже за Яиком,

начались сильные морозы и метели [Новолетов 1884: 47].

По заверениям Шарапа Цой Даржаева, одного из калмыцких посланников от Убаши к Нуралы, калмыцкий народ в большинстве своем движется на восток против своей воли, подчиняясь приказу своих правителей. Это подтверждали и бежавшие из калмыцкого плена казахи [Рычков 1772: 53]. Хошутский владелец Теке, возвращенный со своим улусом с Яика, отмечал: «кроме согласных с наместником владельцев, прочие, а особливо подлой народ, никакой к тому склонности не имеет и с великой прискорбностью и негодованьем откочевал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 420. Л. 84].

Спустя две недели российские власти стали вполне адекватно оценивать ситуацию с калмыками, и оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп уже в январе вступил в переписку с казахским ханом Нуралы, отправив к нему 500 казаков во главе с полковником Углецким. Им ставилась определенная задача — перехватить как можно скорее уходивших калмыков. Пытаясь сыграть на довольно сложных казахско-калмыцких отношениях, губернатор 21 января писал Нуралы: «Нынешнею зимою был отбираем с большой строгостью скот от калмыков, забарантованный ими у киргизов, по этой причине калмыки сильно озлобились и решились идти против киргизов большою барантою. Собравшись под началом самого их хана, калмыки намерены прорваться через Яицкую линию в степь, поэтому пусть хан, если казаки как-нибудь случайно не успеют задержать калмыков, разобьет, переловит и доставит всех их в Оренбург» [Юр.-Ко. 18696: 5]. Но уже 30 января Нуралы-хан писал И. А. Рейнсдорпу: «Волжские калмыки... пробрався через яицкие форпосты, уже на степную сторону перешли» [ИА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 119].

В начале февраля корпус Углецкого вышел к месту впадения в р. Илек р. Большой Хобдо, примерно в 250–300 км севернее от основного маршрута движения калмыков, ждал отряды Нуралы-хана. Однако ожидание затянулось, и из-за недостатка продовольствия, наступления морозов и бескормицы полковник А. А. Углецкий вынужден был увести своих людей в Илецкую крепость [Юр.-Ко. 18696: 5].

24 января Государственный совет в присутствии императрицы Екатерины II заслушал донесения полковника И. А. Кишенского и царицынского коменданта И. Е. Цыплетева «об уходе калмыков» и принял решение: использовать все меры для немедленной остановки и возвращения беглецов на Волгу [Очерки 1967: 216–217].

На следующий день в Астрахань, Царицын, Оренбург и крепости Сибирской линии из Военной коллегии направились курьеры с секретными указами: «чтоб крайнейше старались, сколько и где возможно будет, чинить над означенными бунтовщиками калмыками поиск, везде их разбивать, назад обращать и имущество истреблять, табуны отгонять и в полон их, а найпаче лучших людей и их детей, брать, стараяся, сколько будет возможно, захватить самого наместника ханства» [Юр.-Ко. 1869а: 3].

За время, потребовавшееся на организацию погони, калмыки успели углубиться в казахские земли и смести попавшиеся на пути казахские аулы, яицкое и оренбургское казачество отказалось от опасного преследования калмыков [Добросмыслов 1900: 149].

Неудивительно, что в этих условиях правительство обратилось за казахской помощью, используя давние казахско-калмыцкие конфликты. И. А. Левшин утверждает, что правительство предоставило хану Нуралы и его подданным грамоту с правом вступать в сражения с калмыками и оставлять в своем распоряжении всю захваченную добычу [Левшин 1832: 249].

Генерал И. А. Рейнсдорп давал «ценные» секретные указания по поводу необходимости настроить против бежавших калмыков хана Нуралы, султана Аблая и других известных казахских владельцев степи в письме командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру от 27 января 1771 г.: «Только отсель способов к тому уже не осталось, как токмо писано от меня еще к киргис-кайсацкому Нуралы-хану, дабы он тотчас, собрав киргисцов своих, против них, колмаков, выехал, и старался их разбить и именем их воспользоваться, а самих их, ежели в силах найдется, в здешнюю сторону возвратить... Буде же со всем тем малую к исполнению желаемого надежду предусмотреть изволите, то не можно ли тамошняго Аблай-солтана и

протчих киргис-кайсацких старшин на то подвигнуть, чтоб они своим войском против них, колмык, вооружились, и принудили их возвратиться, или, по последней мере, знатную шкоду и зделать» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 2].

18 февраля калмыки остановились на Эмбе, т. е. на удалении в 300–400 км от российских крепостей, и стали ждать таяния снегов. Молниеносный бросок от Яика до Эмбы стал тяжелейшим испытанием для людей и, конечно, скота, который стал массово падать, несмотря на свою неприхотливость и выносливость. В это время в степях Северного Прикаспия были сильные морозы и глубокий снег. Для их преодоления нужны были значительные запасы продовольствия и кормов, транспортные средства, организация баз отдыха и т. д. Даже казахам, постоянным обитателям этих мест, в эту зимнюю стужу приходилось тяжело, и они не могли в полной мере организовать преследование калмыков, помешать пересекавшим их владения калмыкам [Колесник 2003: 207]. Яицкие казаки под предлогом отсутствия подножного корма и гололедицы также отказались преследовать калмыков [Юр.-Ко. 1869б: 7].

5. От Эмбы до Мугоджарских гор

Отдых калмыков на Эмбе продолжался менее месяца: 15 марта они впервые подверглись нападению казахов во главе с Нуралы и его братьями — Айгуваком Тугали и Эрали. Первым на одно из отставших калмыцких владений внезапно напал Айгувак, мужчины были перебиты, женщин и детей общим числом 130 человек взяли в плен, а также было отогнано немалое количество скота. В период с 18 по 23 марта имели место новые нападения казахов, но уже ожидавшие их калмыки успешно отразили атаки с большими потерями с обеих сторон. Соединившись с Айгуваком, хан Нуралы попытался совершить нападение на калмыков, но вынужден был отступить. Во время второго нападения Айгувака калмыки столкнулись с неким батыром Джаманкурой, которого успешно разбили, захватив у него лошадей и людей. Казахи Младшего жуза далее не решались на открытые боевые столкновения, но их отряды постоянно курсировали рядом с калмыцкими улусами и нападали на отстающих [Юр.-Ко. 1869в: 5].

В своих письмах к оренбургскому губернатору хан Нуралы сообщал о своих военных успехах против калмыков: «обратя самих их, калмык, в бег, многих мечу предали и три пушки отбили» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Однако у губернатора И. А. Рейнсдорпа были другие сведения по поводу военных успехов: «у киргиз-кайсака с колмаками троекратно схватка была, то посторонние ис тамошних краев выезжие вероятия достойные люди уверяют, только притой киргисцы не в таком успехе находились, как хан описывает, а больше колмыки удачи возымели» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Он объяснял это следующим: «Калмыки, будучи в российских армиях в употреблении и военному действию обучившись, гораздо против них, киргиз-кайсака, преуспели, и много скота их захватили, и чем принудили их, киргисцов, от себя отступить и возвратиться» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Долгое нахождение на Эмбе представляло для калмыков большую опасность. Нуралы стал дожидаться подкрепления со стороны отряда полковника М. М. фон Траубенберга и владельцев Среднего и Старшего жузов. Калмыцкие улусы двигались фронтально на 10–15 верст, на такое же примерно расстояние или больше они располагались вглубь. На этом этапе перекочевки Убаши мог обеспечить только авангардное боевое охранение, тыл был открыт, и отстававших подгоняли казахи [Юр.-Ко. 1869в: 5–6].

Менее чем за месяц сформировались казахские отряды для выступления против огромной массы калмыков, от берегов Урала до границ Цинской империи. В восточной части казахских степей калмыков уже ожидали султан Абульфейс, сын Абулмамбет-хана [Добросмыслов 1900: 149–150].

В сражениях с калмыками активное участие приняли практически все чингизиды из трех жузов: Абылай, Нуралы, Султанмамет, Абульфейс, Ирали и другие. Об этом свидетельствует письмо хана Нуралы в адрес своего сына Бегали-султана от 10 февраля 1771 г.: «Ишим, Дженали, Арслан и Аблай солтанами выступил сего дня в поход» [Эпистолярное наследие 2014б: 196]. Нуралы-хан с братом, султаном Айгуваком, также выступил в поход против калмыков [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 52].

По сообщению Нуралы, в феврале он прибыл в район озера Каракул, где уже не застал калмыков, так как те двинулись по рекам Сагыз и Эмба в сторону Мугоджарских гор. Не дожидаясь подхода всего своего войска, на реке Эмба он вместе с братом смог настичь и разгромить небольшое калмыцкое владение, уничтожив в общей сложности около тысячи калмыков и захватив в плен женщин и детей. Именно с этого времени калмыцкий предводитель Убаши пытается вступить в переговоры с ханом Младшего жуза, отправив к нему зайсанга Туйдугу с мирным предложением. Более того, калмыцкая сторона просила казахского хана и о возможности поселиться в казахских кочевьях [Эпистолярное наследие 2014б: 198].

Однако Нуралы, с общего совета с сыном Ишали-султаном и братом Айгуваком, посоветовал Убаши со своим народом возвратиться на прежние кочевья в российских пределах, «принеся е. и. в. повиновение» [Эпистолярное наследие 2014б: 198].

Казахский хан предложил калмыцкому наместнику даже свое посредничество в примирении с российской властью: «и прощение в преступлении ево от е. и. в. испросить» [Эпистолярное наследие 2014б: 198]. В противном случае Нуралы угрожал Убаши тяжелыми последствиями: «а буде не возвратится, то я со всем моим киргиским народом, соединясь с российским, буду с ним драться, в каковом случае никакого добра видеть он не может» [Эпистолярное наследие 2014б: 198, 199]. Угроза осталась без ответа [Эпистолярное наследие 2014б: 198, 199].

Стоит обратить внимание на то, что казахские подданные Нуралы далеко не все разделяли его позицию по «калмыцкому вопросу». Когда им стало известно об официальном ответе казахского хана, то это вызвало явное недовольство и ропот. Многие считали, что все-таки нужно «с калмыками быть в согласии» [Эпистолярное наследие 2014б: 199], особенно на фоне тех случаев, когда российская сторона упорно отказывалась возвращать казахам беглых пленных калмыков и персов. Нуралы в своем письме предлагал российским властям немедленно урегулировать этот вопрос [Эпистолярное наследие 2014б: 199].

В это время Нуралы продолжал собирать войско, чтобы перейти уже к более активным действиям против калмыков. Он ожидал подхода с отрядом другого своего сына, Пирали-солтана, и брата Ералы, кочевавшего на Сырдарье. Настигнуть калмыков не представлялось сложной задачей, так как переход происходил в довольно сложных условиях, многие калмыки из-за массового конского падежа двигались пешими через Мугоджарские горы, «причем престарелых своих людей бросают» [Эпистолярное наследие 2014б: 199].

Стало известно, что калмыки намеревались перебраться через Иргиз и, двигаясь вдоль Сарыарки, через Жетысу выйти к границам Джунгарии. Например, один из калмыцких разведывательных отрядов столкнулся с ханским отводным караулом, который был полностью уничтожен. Двое пленных казахов сообщили Убаши, что против калмыков выдвигаются практически все казахские войска, что заставило калмыцкую сторону «побег свой продолжать поспешнее» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 276].

10 апреля калмыки уже находились в 25 верстах восточнее р. Иргиз [Новолетов 1884: 50]. Получив предписание оренбургского губернатора, М. М. фон Траубенберг 11 апреля выдвинулся из Орской крепости на соединение с ханом Нуралы. Для поддержки вслед за ним выдвинулся крупный отряд войскового атамана Оренбургского казачьего войска полковника В. И. Могутова (3 500 чел.). С Сибирской оборонительной линии по направлению к Орской крепости двигался отряд полковника Титова [Юр.-Ко. 1869в: 7].

6. От Мугоджар до Балхаша

13 апреля Нуралы сообщал фон Траубенбергу, что калмыки уже миновали Мугоджарские горы, и в это время казахи дважды, при Мугоджарах и на реке Ужим, попробовали атаковать калмыцкие улусы, захватив большое число пленных. Калмыки испытывали острый недостаток в конском составе, поэтому многие их люди двигались в пешем порядке, неся на руках малых детей и разное имущество [Рычков 1772: 6].

22 апреля 1771 г. Нуралы сообщал фон Траубенбергу о появлении калмыков на реке Тургай [Рычков 1772: 19]. Калмыки еще более увеличили темп движения, так

как расстояние от Иргиза до Тургая, т. е. примерно 175 км, они преодолели за десять дней. Нуралы сообщал, что знатный казахский тархан Даудат собрал весь свой род и стоит с войском на противоположном берегу Тургая, ожидая подхода казахов Старшего жуза. 23 апреля к Нуралы присоединился тархан Кудайберген с тысячным отрядом. Калмыки постоянно увеличивали темп своего движения, и хан просил фон Траубенберга поторопиться [Колесник 2003: 208].

Поскольку казахи постоянно из-за своих нападений затрудняли движение калмыков, то 18 апреля Убаши повторно отправил к Нуралы-хану трех посланцев во главе с Шаррап Цой Даржаевым, которые предложили казахской стороне обмен пленными, а также доставили письмо Убаши, в котором, в частности, говорилось: «Издравле небывалое сие весьма большое дело произошло и в смятение нас привело: от стороны российской причиненным нам разорением и противными делами, что мы, торгоуты, вспомня свой закон и отечество, пошли... Россия пусть остается в своем, а мы калмыки и кайсаки, бывали: со злодеями — злодеи, а с мирными — мирные. В последнем случае не за родню ли почитались? При жизни отца моего каким образом бывало? Вы сами знаете, в миру ли мы находились! Хотя большое взаимное воровство бывало, от вас к нам, а от нас к вам посланцы посылаемы бывали... Мы всегда добрыми соседями почитались, а ныне отделились, однако для лошадиных копыт далеко быть не может» [Юр.-Ко. 1869в: 6].

В ответ Нуралы задержал у себя калмыцких посланцев. 21 апреля двух из них он отпустил, но главного из них, Шаррапа Цой Даржаева, хан передал русским властям. В ответном письме Убаши казахский хан оставил следующее замечание: «Вы, оставя свое место, наруша присягу и мне причина вред, куда хотите уйти? Мы положили за вами, хоть шесть месяцев, намерение, общася с российскими войсками, т. е. казаками, драгунами, башкирами и три орды кайсацкие идти, которые со всех сторон вас с артиллериею окружат, не оставят, и до места гнать не оставим... Ежели вы меня почитаете большим своим братом и требуете от меня совета, то возвратитесь в Россию паки; а ежели опасаяся России, то я беру на себя преступление твое упрости, и верьте мне,

что вам за то ничего не воспоследует» (цит. по: [Пальмов 1992: 100]).

Находившийся при хане специальный посланец Н. А. Бекетова, Нурадыл Урусов, отправил с ними одного калмыка с письмом к наместнику и некоторым владельцам, но ответа от них так и не дождался [Батмаев 1993: 363].

Нуралы-хан в своем ответе Убаши назвал совершенно реальную угрозу калмыцкой миграции, причем исходила она не столько от казахских жузов, сколько от российских войск, которые двигались по касательной навстречу калмыкам. По всем расчетам встретиться они должны были в верховьях рек Тургай и Терсаккан. По сообщению капитана Н. П. Рычкова, участника преследования калмыков, казахские и русские отряды встретились 3 мая в урочище Сары Капа, в 20 км к западу от Тургай [Рычков 1772: 53]. На момент соединения отрядов фон Траубенберга и Нуралы калмыки ушли вперед уже на 200 верст [Дорджиева 2002: 112].

12 мая отряды хана Нуралы и фон Траубенберга вышли в район реки Терсаккан, одному из притоков Ишима, где русские из-за тяжелых условий отказались от дальнейшего преследования калмыков. Несмотря на уговоры Нуралы оставить хотя бы с ним русский отряд до тысячи человек и две-три пушки, М. М. фон Траубенберг приказал своим людям возвращаться на север, к Усть-илийской крепости. Вслед за ним прекратил преследование и повернул назад полковник Могутов [Рычков 1772: 78; Левшин 1832: 249–259]. По сообщениям пленных калмыков, если бы российские войска все-таки бы настигли калмыков, то весь простой калмыцкий народ, несмотря на своих владельцев, добровольно перешел под их защиту [Дорджиева 2002: 112].

С продвижением калмыков вглубь казахских степей все новые и новые отряды казахских владельцев присоединялись к их преследованию. Так, Уали-султан в письме к командующему корпусом в Сибири генерал-майору С. К. Станиславскому от 21 мая 1771 г. сообщал: «А отправился в поход навстречу вольским калмыкам. Ибо те калмыки следование очень недалеко наших улусов имеют, и действительно находятца за Ишимом-рекою на реке ж, называемой Нура» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 393].

В мае 1771 г. произошло сражение султана Абулфеиса с калмыками в районе Сары Тургай, о чем докладывал 24 мая 1771 г. в своем рапорте командующий в Усть-Каменогорской крепости полковник С. В. Сумороков командующему Сибирским корпусом — генерал-майору С. К. Станиславскому: «Сего маия 20 числа доброжелательной к российской стороне киргиской старшина Мачан-батырь, прибыв сюда, в крепость Усть-Каменогорскую, мне объявил, что-де Умир-батырь получил от Абулфеис-султана чрез нарочного ж киргисца известие: вольские-де калмыки следование свое простирают по реке Сара Тургай, которая де расстоянием от вершин реки ж Тобола, по примеру, с месяц езды. Ис тех-де калмык наперед с идущей партией у вышеупомянутого Абулфеис-султана было уже и сражение. Причем та калмыцкая партия вся разбита, и в полон киргисцами калмык много взято и по себе разделено» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 328].

Чем дальше углублялись калмыки вглубь казахских земель, тем чаще происходили ожесточенные кровопролитные стычки. Маршрут миграции калмыков пролегал через Урал, Эмбу, Мугоджарские горы, реки Ирғиз, Сары-Тургай и Терсаккани. Затем этот путь получил уже более южное направление в сторону Балхаша, поскольку оставалась угроза появления российских войск с Сибирской линии. Калмыки этот отрезок дороги шли более или менее спокойно, имея позади себя только Нуралы-хана, нападавшего на отдельные отстающие партии. В районе Ушун-Кунрада Нуралы соединился с казахами Средней и Старшей орд [Новолетов 1884: 50].

Примерно 10 июня калмыки приблизились к озеру Балхаш и остановились у реки Моинты. Весь маршрут пути пролегал через песчаные и каменистые земли, бедные на какие-либо водные и кормовые ресурсы, в результате чего осенью сильно страдали люди и скот. При приближении к Балхашу калмыки столкнулись с новой трагедией, когда люди и скот бросились пить солоноватую воду озера, оказавшуюся непригодной. В итоге тысячи людей умерли, а также погибло большое количество скота [Новолетов 1884: 50–51].

В этом же месте калмыки были окружены казахскими войсками всех трех жузов

во главе с ханом Нуралы, Аблаем, Урусом, Адилем, Салтамаметом и Абулфеисом. Из русских источников известно, что Убаши вступил в переговоры с казахской знатью, обещая выдать всех не только пленных казахов, но и русских и татар, которых насчитывалось в общей сложности около тысячи человек. Казахская сторона согласилась заключить с калмыками на три дня перемирие, но в третью ночь Убаши с войском внезапно ударил по казахам и прорвал окружение, уйдя на юг [Юр.-Ко. 1869г: 2–3].

Позже, со слов Нуралы-хана, стало известно, что калмыкам удалось выйти из окружения благодаря сепаратным переговорам Аблая. В письменном послании к И. А. Рейнсдорпу хан сообщал: «Аблай-султан с калмыцким наместником ханства Абушею и с прочими владельцами, не дав ему, хану, знать, учинили между собою решение. И как сей наместник с владельцами обещали ему, Аблаю, дать девицу и в приданное холопей, и множество вещей, то потому и по опасности от соседних китайцев, с которыми он сношение имеет, возжелав с ними, калмыками, быть в мире, сделать с ними договор и, доставя им с своей стороны воды, отворил им путь и пропустил, когда они о том никакого известия не имели» [Эпистолярное наследие 2014б: 201], причем о связях Аблая с китайцами сообщал и князь Нурадыл Урусов: султан еще за год до этих событий якобы получил от маньчжурского императора письмо с просьбой не препятствовать переходу калмыков через казахские земли [НА РК. Ф. 35. Д. 18. Л. 54–55].

Позже Аблай пытался объяснить Нуралы мотивы своего поступка, объясняя это хитрой задумкой, которая у него в конечном итоге не удалась: «хотел сделать хитрость, но оплошал» [Эпистолярное наследие 2014б: 201]. Этот шаг Аблая вызвал недовольство не только у хана Младшего жуза, но и у всего казахского войска Средней орды, которое после прорыва калмыков практически полностью вернулось в свои кочевья. Поскольку лошади у казахов Младшего жуза из-за длительного перехода были сильно изнурены, они также вернулись в свои кочевья, только лишь небольшой отряд был отправлен Нуралы для дальнейшего преследования калмыков. Казахи Старшего жуза также отказались от преследования [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Ералы-батыр со своим небольшим войском присоединился к брату Нуралы, когда тот уже возвращался домой. Хотя Ералы и изъявлял желание присоединиться к преследованию калмыков, но старший брат отговорил его от такого шага, объяснив ему, что «народ Средней орды и Аблай-солтан ко вспоможению неспособными оказались» [Эпистолярное наследие 2014б: 202].

7. От Балхаша к китайской границе

В результате прорыва основной массы калмыков из балхашского котла движение теперь разделилось на два потока: к югу и северу от Балхаша. Убаши-хану с основной группой в целом удалось оторваться от казахов, хотя на протяжении оставшегося пути его люди постоянно подвергались набегам казахских и киргизских отрядов. Более трагичной оказалась судьба малой группы, двинувшейся по северному побережью озера.

Первоначально казахи в результате прорыва и маневра Убаши на время потеряли основную группу прорыва калмыков, но затем бросились ее преследовать, не заметив, что на прежнем месте осталось около 20 тыс. калмыков, которые уже не могли двигаться в ускоренном темпе. Эта калмыцкая партия, художонная и в большинстве пешая, после нескольких дней отдыха под руководством владельца Танжи выдвинулась на Аягуз. Им на прежнем месте пришлось оставить около 500 кибиток калмыков, совершенно не имевших никакого скота и не способных двигаться за другими. Казахи Средней орды под руководством султана Абулфеиса, Салтамамета и других батыров кинулись преследовать именно эту группу калмыков. Весь путь по северному Прибалхашью Танжи и его люди подвергались постоянным казахским нападениям, в результате чего они потеряли убитыми примерно 5 тыс. человек и столько же пленными и умершими от голода. В плен казахи брали только женщин и детей. Остававшиеся у реки Моинты 500 кибиток разгромил казахский сардар Барак-батыр [Юр.-Ко. 1869г: 4–5].

Е. В. Дорджиева отметила, что отставший отряд Танжи подошел к району Тамуха в начале августа [Дорджиева 2002: 16]. Протяженность всего маршрута группы Танжи составляет приблизительно 800 км. 2 ноября 1771 г. Аблай-хан так писал командуя-

щему Сибирским корпусом генерал-майору С. К. Станиславскому о войне с волжскими калмыками: «Да в сем году я с тремя сыновьями и четырьмя братьями против изменников калмык ходил в поход военною рукою и имел сражение, в коем калмык нами побито тысяч до пяти, да в полон взято до десяти тысяч человек. А кроме их, калмык, тысяч до двадцати, будучи войском нашим гонимы, страдали голодом и множество от того помирало. А напоследок тысячах в десяти кибиток ушли в китайское подданство. По случаю присланных от китайцев ко мне послов, что более калмык нашим войском не тронуть, ибо-де они идут к китайцам в подданство, для чего они и остались уже свободными, и наше войско более за ними в погоню не пошло» [Эпистолярное наследие 2014а: 324].

Маршрут основной массы калмыков был крайне тяжелым и проходил по западному побережью озера Балхаш на юг, вдоль Голодной степи. Убаши рассчитывал тем самым оторваться от преследователей, надеясь, что у тех не хватит мужества следовать за калмыками. Согласно цинским источникам, калмыки прошли через земли казахов, обогнули Балхаш и пустыню Гоби, а в начале июня прибыли на границу, в местность Шалаболэ, что на реке Или: «За все восемь месяцев пути было пройдено 10 с лишним тыс. ли» [Чернышев 1984: 157].

В «Записках о монгольских кочевьях» отмечено: «После невероятных страданий, понесенных Торгоутами в течение их восьмимесячного странствия от России до Чжунгарии, от холода, голода и в особенности от нападений Киргизов [казахов] и бурутов [кыргызов] в степях, залегающих по Ю.-З-ную сторону оз. Балхаш, жалкие остатки их прибыли в Или; обманувшись в своих ожиданиях сделаться хозяевами этого края, они вынуждены были вступить в подданство Китая» [Чжан му 1895: 438].

8. Выводы

Действия калмыцкого владельца Бамбара в начале 1770 г., связанные с отгоном скота у казахов Младшего жуза, довольно серьезно осложнили калмыцко-казахские отношения накануне откочевки, что в дальнейшем имело неприятные для калмыцкой стороны последствия. Можно предположить, что эта инициатива Бамбара не имела поддержки у большинства калмыцких владельцев, так как шла вразрез с главной стратегией под-

готовки откочевки калмыков с территории Российской империи. Хан Младшего жуза Нуралы предупреждал российские власти о подготовке откочевки калмыков, но так и не нашел серьезного понимания.

Из документов видно, что Убаши в период движения калмыков от Эмбы до Балхаша дважды пытался вступить в переговоры с Нуралы-ханом, чтобы казахи Младшего жуза позволили калмыкам беспрепятственно пройти через их территорию. Но пророссийская позиция Нуралы, заключающаяся в немедленном возвращении калмыков на территорию России, каждый раз приводила к их срыву. Точкой в этих переговорах стала выдача казахским ханом российской стороне калмыцкого посланца Шарапа Цой Даржаева. Обращает на себя и тот факт, что в среде казахов Младшего жуза были и сторонники урегулирования отношений с калмыками, выступавшие в том числе и за примирение.

Более удачными были переговоры калмыков с Аблаем, правителем Среднего жуза. Если Нуралы-хан придерживался пророссийской позиции, что в конечном итоге и отразилось на калмыцко-казахских переговорах, то Аблай-хан больше тяготел к китайской стороне. В результате сепаратных переговоров Аблая и Убаши именно это и стало определяющим фактором в возможности прорыва калмыков из казахского окружения в сторону китайской границы. С другой стороны, такая позиция Аблая вызвала недовольство со стороны других казахских представителей, в том числе и войска Среднего жуза. Можно предположить, что Аблай выступал все-таки за построение долгосрочных мирных отношений с калмыками в будущем, что и предопределило данный его поступок.

Откочевка калмыков 1771 г., или «Пыльный поход», через казахскую степь привел к тому, что правители трех жузов, отбросив на время межродовые разногласия, выступили единым фронтом, нанеся калмыкам существенный урон. Вместе с тем это внесло еще больший раскол в среду правящей казахской элиты, которая так и не смогла по-настоящему объединиться после «Пыльного похода». С осени 1771 г. завершился период противостояния казахов с волжскими калмыками, так как междуречье Волги и Яика опустело, и на эту территорию в 1801 г. получила право переселиться часть казахов Младшего жуза (Букеевская орда).

Источники

ИА ОО — Исторический архив Омской области.
 НА РК — Национальный архив Республики
 Калмыкия.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества. Оренбург: Тип. Ф. Б. Сачкова, 1900. Вып. 15. 524 с.
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Левшин 1832 — *Левшин А.И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Т. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 333 с.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.
- Очерки истории 1967 — *Очерки истории Калмыцкой АССР / редкол.: Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин и др.* Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Рычков 1772 — *Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи, 1771 году.* СПб.: При Имп. Акад. наук, 1772. 104 с.

References

- Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth) A Historical Survey of Oirats or Kalmyks from the Fifteenth Century to the Present. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)
- Chernyshev A. I. Revisiting the 1771 migration of Volga Kalmyks to Dzungaria. In: Khokh-

Sources

Historical Archive of Omsk Oblast.
 National Archive of the Republic of Kalmykia.

- Чернышев 1984 — *Чернышев А. И.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае: тезисы докладов 15-й науч. конф. Т. 15. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Хохлов. М.: Наука, Вост. лит., 1984. С. 152–161.
- Чжан му 1895 — *Чжан му.* Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Скоропеч. П. О. Яблонского, 1895. 598 с.
- Эпистолярное наследие 2014а — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. ист. док-тов в 2-х тт. / введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.
- Эпистолярное наследие 2014б — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. ист. док-тов в 2-х тт. / введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.
- Юр.-Ко. 1869а — *Юр.-Ко. (Костенко Ю.)* Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6. С. 3–7.
- Юр.-Ко. 1869б — *Юр.-Ко.* Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 7. С. 2–7.
- Юр.-Ко. 1869в — *Юр.-Ко.* Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 8. С. 4–9.
- Юр.-Ко. 1869г — *Юр.-Ко.* Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 10. С. 2–7.
- lov A. N. (ed.) Society and State in China. Conference abstracts. Vol. 15. Pt. 2. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1984. Pp. 152–161. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Turgai Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva.* 1900. Vol. 15. 524 p. (In Russ.)
- Dordzhieva E. V. The 1771 Exodus of Kalmyks towards China. Rostov-on-Don: North Caucasus

- Scientific Center for University-Level Institutions, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Migration: From Central Asia to Eastern Europe and Back. The Arrival and Exodus of Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)
- Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 6. Pp. 3–7. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of Kirghiz-Qazaq or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes. Vol. 2. St. Petersburg: K. Kray, 1832. 333 p. (In Russ.)
- Novoletov M. G. Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: V. Demkin, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within the Borders of Russia: A Historical Essay. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
- Rychkov N. 1771 Travels in Kirghiz-Kaisak Steppes: Daily Notes of Captain Nikolay Rychkov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 104 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya. et al. (eds.) Essays in the History of Soviet Kalmykia: The Pre-October Era. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites: 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites: 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 2: Letters of Kazakh Rulers, 1738–1821. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 1032 p. (In Russ.)
- Zhang M. Ménggǔ yóumù jì ([Notes on] Mongolian Nomads and Lands). P. Popov (transl.). St. Petersburg: P. Yablonsky, 1895. 598 p. (In Russ.)
- Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 7. Pp. 2–7. (In Russ.)
- Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 8. Pp. 4–9. (In Russ.)
- Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 10. Pp. 2–7. (In Russ.)

